

Игорь Англер

Родился в 1964 году в Омске в семье офицера. Жил с родителями в Туркменской ССР (Тахта-Базар, Чарджоу, Кушка), в Венгрии и в военном городке под Ленинградом. Окончил Ленинградский ордена «Знак Почета» радиополитехникум (ныне СПб колледж информатизации и управления) и юридический факультет ЛГУ по специальности «правоведение». Работает в международной юридической фирме. Пишет крупную прозу и иронические рассказы. Публиковался в альманахах и сборниках прозы, в «Каталоге современной литературы», выпускаемом к Международной книжной ярмарке в Москве, в «Литературной газете». Автор пяти изданных книг. Финалист национальной литературной премии «Писатель года» в номинации «Юмор». Награжден медалями «Владимир Маяковский – 125 лет», «Александр Пушкин – 220 лет» и «И. А. Бунин». Лауреат премии МГО СП России им. Агаты Кристи (2021). Член Союза писателей России.

Юноша с лютней¹

(главы из детективного романа)

Глава 1.

«Юноша с лютней» в психушке

Туда-сюда... Вперед-назад...

Так, в ритме метронома, тихо поскрипывало плетеное кресло-качалка, отсчитывая мгновения, складывая их в секунды, в минуты, в часы...

Скрип... Вновь скрип... Тик-так... тик-так...

Здесь, в пригороде, точнее, на отшибе Монтре, где на поросшем лесом холме пристроился пятиэтажный корпус частной психиатриче-

¹ Ниже приведен журнальный вариант авторского произведения.

ской клиники «Бальмонт», время не шло, а отсчитывалось. Благодаря остроконечной мансарде в центре крыши здание издали напоминало средневековый замок. Сходство усиливалось тем, что подъехать к приемному покою можно было только по старинному мосту через горный ручей, бегущий на дне неглубокого ущелья.

По периметру больница была обсажена вишнями; весной, во время цветения, они словно окутывали здание парящим розовым одеялом. Территория ограничивалась скалистым обрывом, под которым блестело зеркало Женевского озера.

Стрелки часов нужны были лишь для того, чтобы следить за повторяющимися изо дня в день процедурами и приемами лекарств.

Ку-ку! Ку-ку!

Невидимая кукушка отсчитывала по капле пилюли пациентам.

Тик-так... Скрип-скрип...

Обманчиво, создавая иллюзию движения, покачивалось кресло-метроном. В нем, изредка отталкиваясь кончиками босых пальцев, медитировал худощавый моложавый мужчина не старше пятидесяти лет. Его взгляд зафиксировался на картине Караваджо, на которой был изображен милovidный юноша с нежными, почти женскими чертами лица, сидевший за столом с лютней в руках. На столе стояла ваза с букетом цветов, лежали различные плоды, скрипка со смычком и раскрытые ноты.

Искусствоведы всего мира пытались разгадать андрогинную тайну то ли мальчика, то ли девушки с того самого момента, когда полотно покинуло мастерскую и нашло приют в римском палаццо кардинала Франческо дель Монте. Каждый элемент сюжета — в том числе цветы или аккуратная горка фруктов в левом углу композиции — виделся символом, ключом к разгадке.

«Ирис, дамасская роза, розмарин, маргаритки... — взгляд мужчины скользил от цветка к цветку. — Неужели художник действительно придавал им особенный смысл? Или просто собрал все, что цвело тогда в кардинальском саду?.. А откуда в это время года спелые груши, слива с чуть зеленоватым бочком, виноград? Отсылка к Евангелию от Иоанна? Я ем истинная виноградная лоза, а Отец мой — виноградарь... А эта шаловливо откатившаяся в сторону смоковница?»

Мужчина встал с кресла, заправил полы халата, подтянул пояс и подошел к полотну вплотную, чтобы получше рассмотреть фигу и найти в ней признаки эротизма: сочащиеся через трещины в коже капли сладкого сока или даже бесстыдно распахнутый, словно женские губы в ожидании поцелуя, зев. Мужчина явственно представил, как раздвигаются мягкие края плоти и раскрывается вход в вожденную пещеру удовольствий.

«Эллис, милая! — чуть слышно простонал он. — Забери меня отсюда! Я так по тебе соскучился!»

Детали портрета в полутьме уже были плохо различимы. Вечерние сумерки в горах густеют быстро и почти моментально скрывают горизонт за ночным непроглядным покрывалом. Лишь Женевское озеро бледно мерцало внизу, отражая тонкий серп уходящей луны.

Стон повторился — уже громче.

«Я так люблю, я так хочу тебя!»

Шел третий месяц заточения Пола Роулинга в роскошных двухкомнатных апартаментах частной психиатрической клиники «Бальмонт». Оставаясь наедине с самим собой, Пол часто разговаривал с портретом юноши, пытаясь найти в герое из Средневековья символы сегодняшнего дня, столь толерантного к смертным прегрешениям прошлого и признававшего постыдные утехи нормой. Какой была бы судьба юного кастрата в двадцать первом веке? Пригодился бы ему талант гитариста-виртуоза, освоившего игру на уникальном древнем инструменте?

Добровольным ли было отречение несовершеннолетнего мальчика от наслаждений гетеросексуальной любви ради сохранения голоса? Успел ли он познать таинства женского тела? Чувствовал ли фантомные боли, перехватывавшие дыхание в самый неподходящий момент, когда нужно было взять высокую ноту?

Пол чудился тонкий мальчишеский, не по возрасту тоскливый голос, заплутавший в минорных переливах струн. Галлюцинация? Или в воздухе действительно повисло, неслышимое ухом, но осязаемое под сознанием пиццикато?

Пол почувствовал внезапный прилив крови к вискам. У него закружилась голова. Он поспешил вернуться в кресло.

В его памяти всплыли воспоминания. Он, молодой, только что избранный Председателем крупнейшей юридической фирмы, был приглашен в Санкт-Петербург на торжества, посвященные двадцатилетнему юбилею местного офиса. Пол стоял у полотна какой-то знаменитой картины вместе с директором Эрмитажа. «Как его звали? Не помню... Седой импозантный хранитель сокровищ мирового искусства, не расстававшийся с шарфиком, брошенным на плечи. Фамилия у него была русская, очень петербургская... Может, Петровский?.. Нет, но близко... А что за картину мы презентовали после реставрации, которую спонсировали наши русские партнеры?»

В голове Пола закружилась русская метель, заплясали блики от фар автомобилей, проносившихся по набережной Невы...

Он вскрикнул и проснулся. На звук открылась дверь из соседней комнаты. В проеме стоял его слуга-массажист Си Фанг. В узком разрезе глаз китайца не было тревоги, одно любопытство.

— Друг Си, помоги! Мне плохо, — простонал Пол.

— Вы опять долго смотрели на эту картину, — покачал головой китаец. — Этот... до хорошего вас не доведет.

— Друг Си, в Европе так нельзя выражаться.

— Мне тяжело смотреть на вас, мистер Роулинг. Что с вами произошло?

— Снова был приступ. Кажется, я потерял сознание. Вызови дежурного врача.

— Нет, вы спали, мистер Роулинг. Я все время наблюдал за вами. Сейчас... внимательно следите за мною... повторяйте мои движения, — китаец принял позу из цигун² и начал делать пассы руками. — Замедлите дыхание... Контролируйте диафрагму на задержке. Думайте о чем-нибудь приятном. Так, хорошо. Теперь выпейте успокоительное. Завтра вы расскажете доктору Мартини о своем кошмаре. Я же вам говорил: выбросьте в пропасть эту картину, а вместе с ней и свои галлюцинации. Что вы в ней нашли?

— Видишь ли, друг Си, юноша с лютней напоминает мне о связи времен, о грехе и вдохновении. Полотно Караваджо очень современно. Моя жизнь в последнее время напоминает сюжет этой картины. Странно и страшно.

— Где вы вообще взяли эту картину?

— Увидел в Эрмитаже в две тысячи семнадцатом году. Наша фирма предоставила музею деньги на реставрацию итальянского шедевра. Я принимал участие в церемонии открытия после завершения восстановительных работ. В мире существуют три версии этого произведения искусства. Причем именно русская признана первым подлинником, который написал гений Караваджо. «Юноша с лютней» считается вершиной его мастерства. Я заказал себе музейную копию. На ней художник даже повторил фирменный прием Караваджо. Посмотри, Си — видишь эти оспинки? Это так называемые *pentimenti*³, которые Караваджо имел привычку оставлять рукояткой кисти на еще свежей краске.

— И поэтому вы привезли картину в психиатрическую клинику? Лучше бы взяли аквариум с рыбками — они тоже помогают медитировать, но не доводят до нервных срывов.

---

² Цигун — китайская традиционная практика.

³ *Pentimenti* (итал., множ.), *pentimento* (един.) — след(ы) предыдущих вариантов картины, которые художник закрыл верхними слоями краски, изменив свое первоначальное намерение. Важный элемент определения подлинности картины. В данном случае имеются в виду просто следы.

— Отличная шутка, друг Си. Почти как у того русского партнера, который подошел к нам с Эллис и рассказал историю создания портрета.

— И что же вы узнали такого, господин Пол?

— Все то, что я тебе уже рассказывал, Си. Русский попросил меня выдать им индульгенцию за неприсоединение к политике толерантности к различным, как он выразился, шалостям. Мол, им, православным, проще перейти в католицизм, нежели отказаться от гетеросексуально детерминированной ортодоксальности.

— Так и сказал?

— Ну, да! И добавил, чтобы лондонский Комитет по разнообразию и инклюзивности зачел расходы на реставрацию шедевра Караваджо как вклад России в мировое искусство без половых границ, и больше не приставал к ним с приглашениями на курсы повышения квалификации сексуальных меньшинств. Каков подлец, друг Си?! Им наплевать на наши ценности.

— Господин Пол, вы снова волнуетесь! Вот, примите таблетку.

— Что это?

— Снотворное. И одолжите, пожалуйста, свой музыкальный центр с оперными дисками. Вы не против, если я немного разомнусь?

Пол кивнул.

Китаец подал лекарство, затем, поддерживая больного под локоть, довел его до постели и уложил прямо в больничном халате, набросив одеяло поверх ног. После этого Си Фанг унес девайс в свою комнату. Когда он вернулся за дисками, Пол уже спал, размеренно дыша.

Массажист ушел к себе, оставив дверь приоткрытой. Лекарство было сильнодействующим. Доктор Мартини считал, что итальянские арии и неаполитанские песни способны вернуть мистеру Роулингу душевное спокойствие, и Си Фанг решил, что его пение окажет положительное воздействие на психику спящего пациента.

Для начала Си Фанг поставил «O Sole Mio!»⁴. Зазвучала приятная музыка. Китаец дождался окончания вступления и взял первую ноту...

Несмотря на снотворное, Пол все-таки очнулся. Снова подскочило давление, резко заболели виски. Он с трудом перевернулся на бок и посмотрел на дверь смежной комнаты. Сквозь матовое стекло угадывалась тень Си Фанга. Пол попытался его позвать, но спазм не отпускал. Он потянулся к тревожной кнопке, но не достал ее. Безвольно упавшая рука задела за фарфоровую чашку на прикроватном столике, та упала на пол и со звоном разбилась.

Открылась дверь. В комнату заглянул Си:

— Вам нужна помощь, мистер Роулинг?

---

⁴ «Мое солнце» (итал.) — популярная неаполитанская песня.

— Кажется, отпустило. Душно. Я выйду на террасу подышать ночным воздухом и потом лягу. Ты побудь со мной недолго, друг Си.

Си Фанг открыл балконную дверь, и Пол полной грудью вдохнул свежий бриз с озера. Он оперся на парапет и, понемногу успокаиваясь, стал всматриваться в неясные бликующие отражения на водной глади. Си постоял у него за спиной с минуту и, не спрашивая разрешения, удалился.

«Неужели я действительно свихнулся? — переживал Пол. — Но это не похоже на шизофрению: я же осознаю происходящее! Может, длительный стресс из-за конфликта на работе? Утром обязательно поговорю с доктором Мартини».

Приступ паники всегда начинается внезапно. Сначала возникает неосознанная тревога. Затем начинается тремор рук. Кровь бьет в виски, учащается пульс, сдавливает диафрагму, перехватывает дыхание. А потом наступает оцепенение...

Почувствовав дискомфорт, Пол попытался сконцентрироваться на пейзаже, но темное озеро напомнило ему приснившуюся Неву.

Через полуоткрытую дверь донесся дребезжащий звук. Может, завибрировало стекло в шкафу с медикаментами? Пол повернулся, чтобы увидеть источник звука. Он сделал шаг в комнату, но его словно отбросило назад, к ограждению террасы...

Удобно расположившись на диване, доктор Андреа Мартини строил планы на предстоящие выходные. Он присматривал себе крейсерскую яхту. Не катер с мотором, а обязательно яхту с парусами. Доктор отхлебнул кофе и прикрыл глаза, представляя, как он поднимет паруса и выйдет в первое плавание.

Перед ним замелькали Сен-Тропе, Ницца, Кап-Ферра, Монте-Карло, Сан-Ремо и стоянка в марине Портофино, откуда он отправится дальше, в Сардинию. Путешествие виделось доктору сериалом в пастельно-лазоревого тонах. Он находился в самом безмятежном настроении, которое не испортило даже позавчерашнее ночное происшествие с пациентом Роулингом...

Впрочем, сам мистер Роулинг считал, что упал он из-за сильного головокружения.

«Мистер Роулинг — моя настоящая удача. Не профессиональная, конечно, (об этом рано еще говорить), а финансовая, — признавался самому себе Андреа. — Фирма платит бешеные деньги за лечение своего босса и не торопит с выпиской — напротив, похоже, заинтересована, чтобы курс продолжался как можно дольше. Я, пожалуй, сообщу в Гонконг о вчерашнем инциденте. Это гарантирует мне клиента

еще на полгода, и тогда при покупке яхты можно будет обойтись без кредита».

Доктор потер ладони и включил компьютер. Открыв почтовый ящик, он приступил к составлению электронного письма. Андреа коротко изложил события двухдневной давности, убедительно подчеркнув, что настоятельно рекомендует продолжить лечение и углубленное наблюдение.

Психиатр решил не дублировать письмо миссис Роулинг. В конце концов, не семья является клиентом клиники.

Едва он успел отправить письмо, как на столе зазвонил телефон. Секретарь приемного покоя сообщила, что пришел некий мистер Блэкуоттер и просит безотлагательно его принять.

— Я не знаю никакого Блэкуоттера. На сегодня у меня не запланировано встреч. И вообще, сейчас время обхода пациентов!

— Но мистер Блэкуоттер настаивает. Он говорит, что это касается нашего клиента Пола Роулинга. У него поручение от его жены...

— Хорошо, пусть ждет меня в фойе. Я сейчас спущусь.

Незванный гость расположился в кресле у окна и любовался окрестностями. Откинувшись на спинку, он всем своим видом демонстрировал нагловатую уверенность. Крупная рыжая голова посетителя сидела на короткой боксерской шее. Переломанная переносица неопровержимо доказывала, что его владельцу случалось не только пускать руки в ход, но и получать сдачи. Мясистые щеки были покрыты сеткой капилляров.

— Ирландец, ирландец, — будто угадав мысли психиатра, улыбнувшись, произнес незнакомец. — Только бокс и ирландский виски могут так украсить настоящего мужчину. Я — Энтони Блэкуоттер, частный детектив...

Адреа, не отвечая, отвернулся к стойке ресепшена и раздраженно обратился к дежурной медсестре:

— Мисс Грохель, почему вы до сих пор не вызвали секьюрити?

— Успокойтесь, мистер Мартини. Вы же понимаете, что леди не виновата, — спокойным ровным голосом произнес рыжий ирландец, — Успеете позвать охрану. Я даже не буду сопротивляться. Но тогда вы не узнаете, зачем меня наняла миссис Эллис Роулинг...

— У вас пятнадцать минут. Мне нужно делать обход, а я тут с вами застрял.

— Отлично, мы же успеем выпить чашечку кофе?

— В кафе для гостей! — отрезал доктор и жестом пригласил детектива пройти на террасу...

Вернувшись к себе, Андреа растерянно вертел в руках визитную карточку Энтони Блэкуоттера, на которой тот написал название отеля

и время встречи. Завтрашний визит в яхтенный шоу-рум придется отложить, а может статься, и вовсе про него забыть. Мечты полечить богатого клиента еще полгода и заработать на парусную лодку, похоже, не сбудутся.

Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, Андреа открыл личный кабинет на сайте «Кредит Свисс»⁵ и проверил остаток средств на депозите. Суммы вполне хватало на яхту длиной до тридцати пяти футов, но его тщеславие требовало большего. В мечтах он уже заходил в самые престижные марины, где о статусе и успешности человека судят в первую очередь по размерам его яхты...

На столе перед ним лежали распечатанные тезисы: Андреа не любил проверять тексты с экрана, предпочитая редактировать от руки. Редакция журнала «Границы разума» заказала доктору эссе на тему закрытости корпорации психиатров, попросив, по возможности, рассмотреть проблему в современном контексте гендерной самоидентификации. Острота задачи, поставленной престижным изданием, с одной стороны, приятно щекотала самолюбие врача, поскольку затрагивала глубинные философские вопросы профессии, с другой же — вызывала беспокойство. Толерантность общества практически не позволяла профессионалу выразить альтернативное мнение. Мартини предстояло проявить недюжинную дипломатию, чтобы не обидеть коллег и не потревожить мир частной психиатрии, действительно чрезвычайно закрытый.

Он посмотрел на часы: без четверти три. Достал визитку, оставленную ему частным детективом, набрал его мобильный номер и, неожиданно для себя, назначил ему встречу у себя дома. Лондонский сыщик принял приглашение.

Раздался звонок по внутренней линии. Секретарь сообщила, что в приемной дожидается доктор Сара Дрюммель.

Вошла высокая симпатичная брюнетка, на вид — лет тридцати пяти, в укороченном халатике, обтягивающем стройную фигуру. Мартини поздоровался, указал ей на кресло напротив него и предложил:

— Кофе? Или, может быть, аперитив? У меня есть отличный сухой херес.

— Не откажусь, — улыбнулась Сара.

Она села, закинув ногу на ногу. Край халатика соблазнительно пополз вверх.

— Как там наш английский пациент? — спросил Андреа, ставя вино перед женщиной, не отводя взгляда от ее коленок.

---

⁵ Швейцарский банк.

Сара взяла бокал. Она догадывалась, что нравится шефу.

— Мистер Роулинг чувствует себя неплохо. Ночью спал нормально.

Выглядит бодрым.

— Когда вы вошли к нему, что он слушал?

— Паваротти.

— Это хорошо. Даже очень хорошо. Ему полезно отвлекаться.

— Я тоже считаю, доктор Мартини, что ситуация на работе по-прежнему плохо влияет на его эмоциональный фон. Эти регулярные телефонные звонки, видеоконференции с членами...

— Исполкома, — подсказал Андреа.

— Точно. У меня складывается впечатление, что эти члены Исполкома, прикрываясь заботой о его здоровье, лишь нервируют его, неизбежно переходя на проблемы бизнеса. А проблем в «Бейкер и Мак Кинли», похоже, хоть отбавляй.

— Совершенно с вами согласен, дорогая Сара. Я обязательно поговорю с его спонсорами. Кстати, он собирается посетить концерт самодеятельности? Я бы сам сходил, но у меня сегодня вечером, к сожалению, деловая встреча.

— Завтра после обеда планируется повтор. Вы сможете прийти завтра? Правда, для этого придется пожертвовать субботним выходным.

— А вы будете на концерте? — чуть дрогнувший голос выдал волнение Мартини.

— Я подумаю над вашим предложением, — улыбнулась Сара. — Это ведь действительно предложение? Я не ошиблась?

Порозовевшие щеки Мартини красноречиво подтвердили, что женщина раскрыла его робкую попытку назначить свидание.

Глава 2. **В бумажном лабиринте**

Сквозь кусты роз пробивалось утреннее солнце.

«Конец марта в Лондоне ничуть не хуже, чем в Альпах. Через три дня появятся первые цветы», — думал Тони Блэкуоттер, глядя на весеннее пробуждение своего крошечного сада.

Собственно, ради садика Тони и приобрел в пригороде Лондона небольшие апартаменты на нижнем этаже с задним двориком. По периметру невысокого каменного забора, сплошь увитого плющом, был высажен розарий. На оставшемся свободном пятачке под зонтиком приютились стол, стул и круглый гриль.

За забором послышалось размеренное щелканье секатора. Тони понял, что его уединению пришел конец: вскоре соседка дойдет до общей

стены, поздороваётся с ним и доложит текущую криминальную обстановку в округе и Англии в целом. Ее обзоры были настолько полными, что необходимость в чтении криминальной хроники отпадала.

«Щелк-щелк. Чик-чик». Звук неумолимо приближался.

— Прекрасное воскресенье, миссис Грейс! — воскликнул Тони.

— Я бы не спешила так говорить.

— Что случилось? Кто-то опять выкрал пять шоколадных батончиков из автомата на заправке?

— Я бы никогда не подумала, что вы — отставной полицейский. Ваше несерьезное отношение к преступности меня поражает! Вы читали вчерашний «Дейли Телеграф»?

— Нет, вчера я был в отъезде и вернулся только поздно вечером.

— Сообщают, что Солсбери наводняют не только туристы, но и любители шпионских историй.

— Разве в таком важном деле, как продвижение национальной гордости — виски и эля, можно полагаться на местных пьяниц, миссис Грейс? «Ирландский котел»⁶ должен получить международное признание.

— Вы, мужчины, слишком много времени просиживаете в пабах. Между тем, власти очень обеспокоены ситуацией.

«Чик-чик. Щелк-щелк».

«Она обкорнает бедные розы под самый корень!» — подумал Тони.

— Так что же не нравится местным депутатам? Отличная предвыборная тема!

— Да, но никому не интересны тамошние исторические достопримечательности. Вместо Стоунхенджа все прутся к дому, в котором жили, а потом были отравлены Скрипали. Публику интересует, из чего сделан povitchok, и можно ли уже братья за дверные ручки в супермаркетах!

— МИ-6 тщательно обследовали не только дом, но и весь город, и ничего не обнаружили. Или я ошибаюсь, миссис Грейс?

— Вам что, безразлично, кому Англия предоставляет политическое убежище? Лично меня очень нервирует, что вокруг полно беглых русских олигархов и шпионов. Зачем нам русские агенты, тем более бывшие, которых рано или поздно укокошат свои?

— Всякий убийца — это чей-то сосед, говорила Агата Кристи. Поэтому, миссис Грейс, проявляйте разумную осторожность в знакомствах и не подбирайте флакончики из-под духов.

---

⁶ Название коктейля. Приготавливается следующим способом: стопка с виски опускается на дно кружки с пивом. Процесс употребления представлен в фильмах «Титаник» и «Все реки текут».

— И все-таки лучше отселить этих беглых на острова. Я имею в виду безлюдные острова, если необитаемых не осталось. Например, Фолкленды — подходящее местечко!

— Там они будут у всех на виду.

— Конечно, где еще спрятаться русскому белому гетеросексуалу, как не в Лондоне!

В голосе соседки послышались нотки злой иронии.

— Хорошего дня, миссис Грейс, — мирно попрощался Тони.

Он вернулся к лежавшим на решетке гриля и на столе документам, полученным от Эллис Роулинг. Раскладывая их в хронологическом порядке, Блэкуоттер пытался восстановить последовательность событий, предшествовавших попаданию Пола Роулинга в клинику «Бальмонт».

«...Из которой, нужно признать, меня беспардонно выставили, — сознался самому себе Тони, размышляя о неудавшейся поездке в Монре. — Что я доложу клиентке?»

Поведение психиатра казалось странным. Беседа с ним шла натужно, хотя и без агрессии, продемонстрированной днем в клинике. Мартини осторожно фильтровал информацию, тщательно подбирая слова. Когда собеседники переходили на отвлеченные темы, доктор ненадолго расслаблялся, но стоило Тони вернуться к болезни мистера Роулинга, как Мартини закрывался вновь. Его вообще трудно было свернуть с общих рассуждений о врачебной тайне и заботе о пациенте, вынужденно изолированном от внешнего мира.

Наконец, Тони решился спросить, чья была идея изолировать Пола, и от чего именно его стараются уберечь. Долгое молчание психиатра было красноречивым ответом.

— Почему фирма взяла на себя расходы по лечению мистера Роулинга? У него наверняка есть медицинская страховка. Вы видели полис? Этот случай является, с вашей точки зрения, страховым событием?

— Сумасшествие крайне редко страхуется людьми вообще и работодателями в частности, — вынужден был ответить по существу Мартини.

— Тем не менее, с психикой вашего пациента творится что-то непонятное. Иначе зачем бы его направили к вам? Разве домашний психотерапевт не мог скорректировать проблему? И почему именно «Бейкер и Мак Кинли» взяла на себя расходы? Деньги поступают в клинику из Лондона? — настойчиво гнул свою линию Тони.

— Нет, мистер Блэкуоттер, мой клиент — не лондонский офис «Бейкер и Мак Кинли», а траст из Гонконга, — признался Андреа. — Назвать его я не могу: это коммерческая тайна. Скажу только, что формально траст не связан с юридической фирмой, однако его управляющий следует указаниям членам Исполкома компании.

— Почему так происходит? Миссис Эллис — вполне состоятельный человек и может позволить себе ваши услуги.

— Не знаю. Они пришли ко мне вместе: Пол, Эллис и кто-то еще из Исполкома, и сказали, что платить будет третья сторона, якобы из-за сложностей со страховой компанией и в связи с необходимостью в срочном лечении.

— Но у вас есть догадки на этот счет?

— Мое мнение — это диагноз профессионала, защищенный врачебной тайной. Остальное — спекуляции.

Итак, похоже, у фирмы возникли сложности со страховой компанией при доказывании факта утраты трудоспособности в связи с исполнением должностных обязанностей.

— Что же такое должно было произойти, чтобы у самого Председателя поехала крыша? — воскликнул Тони.

— Без комментариев! — отозвался доктор.

«"Пролетая над гнездом кукушки", — размышлял сейчас Тони. — Вот бы проникнуть в клинику и посмотреть, что там происходит! Неужели за столько лет за заборами психушек ничего не изменилось?»

Подобная операция требовала серьезного планирования. Неподготовленная высадка в «Гнездо "Бальмонт"» могла привести к провалу. Тони решил побеспокоить близкого друга, с которым дружил еще в Скотленд-Ярде и который перешел в МИ-5⁷.

Далее детектив сгруппировал документы в три стопки — по названиям упомянутых в них проектах: «FAMI», «EMEA+Vertical» и «Project One»⁸. Ему казалось, что они связаны с чрезвычайно запутанной административной перестройкой, которую затеяла фирма, но никак не с ментальными проблемами мистера Роулинга. Тем менее, Пол по какой-то причине собирал эти материалы. Зачем ему потребовались меморандумы и переписка пятилетней давности? Кодовые названия некоторых проектов напоминали скорее пропагандистские лозунги, вроде девиза «Один мир — одна фирма». Добровольная финансовая интеграция за эти годы мимикрировала под трудно поддающуюся расшифровке аббревиатуру «FAMI».

«Что бы это могло означать? — ломал голову Тони. — Первая "F" — это финансовая, а последняя "I" — интеграция. Зачем менять наименование?»

Очевидно, Исполком проталкивал какую-то схему, которая многим не нравилась, но не мог набрать необходимое большинство голосов.

---

⁷ Английская служба безопасности.

⁸ Сокращенные названия проектов (англ.) — ФАМИ, ЕМЕА+Вертикаль и Проект Первый.

Вероятно, поэтому Исполком и рекомендовал внести в Устав фирмы изменения относительно кворума и квалифицированного голосования. К документам был приложен листок, на котором Пол записал фамилии, номера телефонов и адреса электронной почты. Напротив некоторых имен значилось: «Уволен», и стоял восклицательный знак.

«Проект Первый» касался внедрения новой управленческой системы SAP. Но из-за чего у Исполкома возникли проблемы? Почему были уволены люди? Эллис ничего пояснить не могла: Пол не посвящал ее в дела фирмы. Значит, следовало найти человека, который помог бы разобраться в этой административной каше. В списке уволенных числился некий Урс Кранкер — швейцарец из Цюриха, ярый оппозиционер. Блэкуоттер решил, что этот человек может быть ему полезен.

«Опять лететь в Цюрих... Не могло найтись "обиженных" в Лондоне?»

Блэкуоттер снова перелистал бумаги, относившиеся к финансовому объединению офисов и внедрению SAP. Лондонские партнеры почему-то молчали — ни один не выступил против. По крайней мере, Роулинг никого не отметил в своем списке.

В последнюю очередь детектив занялся оставшейся стопкой, которую он не смог отнести ни к одному из проектов. В этих бумагах главным фигурантом выступал некто Гарри Олд из Лондона, тоже уволенный. Блэкуоттер прочитал электронные сообщения и первый попавшийся протокол Комитета партнеров лондонского офиса и почувствовал волнение. Тони отыскал листок с фамилиями и с облегчением вздохнул, найдя там телефон и адрес электронной почты. Он незамедлительно отправил мистеру Олду письмо с просьбой о встрече и тут же набрал его мобильный номер.

«Ну же, Гарри, ответь на звонок!» — молился он, слушая бесконечно длинные гудки.

Но телефон молчал. В мессенджерах Олда почему-то не было. Оставалось надеяться на ответ по почте.

Глава 3. Поцелуй без срока давности

Усталый пожилой мужчина в смокинге посмотрел на плафон, висевший над баром. От яркого света у него закружилась голова. Он неловко покачнулся на стуле, ухватившись за стойку. Бармен успел остановить стакан с виски, заскользивший по полированной поверхности к краю.

— Извини старика. Немного переоценил свои возможности, перебрал... За спасенный скотч спасибо, — поблагодарил мужчину темнокожего парня.

Схватив стакан, он осторожно слез с высокого барного стула и, покачиваясь, пошел в зал.

— Скучаете? — раздался женский голос.

Он обернулся к девушке, сидевшей за одним из столиков. Окинув ее взглядом, плюхнулся рядом.

— Скучать мне некогда, — ответил, снимая бордовую бабочку и пряча ее в карман пиджака.

— Тогда почему вы один в отеле?

— Знаете, для кого-то корпоратив — праздник, а для меня — работа. Вот и остался отдохнуть в тишине, — Гарри внимательно рассматривал лицо собеседницы.

— А-а, — понимающе протянула девушка, — Так вы с той рождественской вечеринки сумасшедших юристов!

— Да. Я — партнер в фирме.

— В какой, если не секрет?

— «Бейкер и Мак Кинли».

— Тогда с наступающим Рождеством! — девушка подняла бокал с пивом. — Бар, как назло, закрывается. Успеем повторить?

Гарри обернулся к бару. Свет был погашен. Бармен ушел.

— Ночной клуб, к сожалению, предложить вам не могу. Мне завтра утром нужно ехать в Эдинбург, — Гарри оценивающе смотрел на девушку.

— Меня устроит мини-бар в вашем номере.

Пока они поднимались на лифте, мужчина как бы нечаянно прижался к девушке. Та не отшатнулась, напротив, взяла его за руку. Он невольно поцеловал ее в шею. Всего один поцелуй.

«Почему бы и нет, — подумал он. — Одна ночь без обязательств и последствий станет отличным прологом к моему путешествию по Шотландии!»

Войдя в номер, он не стал включать освещение и сразу направился к холодильнику.

— Может, шампанского? — спросил Гарри.

— Разумеется! — согласилась незнакомка.

Мужчина подошел к ней и подал тонкий бокал с вьющимися в пируэте пузырьками.

— Кстати, как твое имя, крошка?

— Наконец-то дождалась! — произнесла она неожиданно зло, поставив бокал на столик.

— Что случилось?

— Ничего особенного! Нужно получше запоминать своих подчиненных, когда бросаете папки на их столы, мистер...

— Так мы все-таки знакомы? — удивился мужчина.

— Более чем.

— Прости меня. Я не хотел тебя обидеть.

— Завтра ты узнаешь мое имя! — пообещала незнакомка.

И, так и не представившись, выскочила из номера, сильно хлопнув дверь.

Блэкуоттер смотрел на взволнованного Гарри Олда. Его круглое, полноватое лицо покраснелось. Даже обширная лысина покрылась пятнами.

— Вы мне верите, мистер Блэкуоттер? — с печальной усмешкой поинтересовался Олд.

— Более-менее. Ну, может, вы должны были все-таки... в общем, лечь на нее. Иначе я не понимаю весь этот пафос обвинения против вас.

— Вот именно, мистер Блэкуоттер, вот именно! Почитайте «Таймс» или «Дейли Телеграф». Да все газеты напечатали наш с ней диалог той ночью!

Гарри Олд кинул на стол газеты.

«Обвинитель со стороны Управления по делам адвокатов⁹ Эндрю Табачник заявил, что ответчик, являясь управляющим партнером ведущей английской и глобальной фирмы, предложил «Персоне А» (получившей лицензию адвоката полгода назад) остаться в его номере. Мистер Олд признал, что сделал неподобающий комплимент внешности «Персоны А» и, не спросив согласия, поцеловал ее в шею. Он также признал, что его поведение было спровоцировано употреблением алкоголя...»

— И все? — удивился Тони. — Один поцелуй в шейку?

— Больше никаких обвинений сексуального характера выдвинуто не было.

— Очень странно!

— Странно — не то слово! Особенно семь лет спустя!

— Сколько-сколько?! — не поверил Тони.

— Семь лет назад! В две тысячи двенадцатом году мы выступали перед выпускниками одного университета, рекламируя нашу фирму...

— Надо признать, реклама удалась! — не сдержал сарказма Блэкуоттер.

— А вы знаете, почему я был очень популярен среди юристов? Я с ними пил, и много. Хотя должен был лучше себя контролировать, все-

---

⁹ Solicitors' Regulation Authority (SDT) — орган, регулирующий деятельность адвокатов в Англии, при котором действует специальный Трибунал, рассматривающий дисциплинарные дела адвокатов.

таки возраст. Эти молодые бестии пьют, как крестоносцы после взятия Иерусалима.

— Скажите, мистер Олд, — поинтересовался Тони, — зачем вам было нужно заводить шашни с этой девицей? Тем более, работающей, как оказалось, в вашей же фирме. С такими доходами, как у вас, вы можете себе позволить любую топ-модель с миланского подиума.

— Вы сейчас говорите, как мой знакомый из Москвы. Он еще шутил: если вас потянуло на англичанку, срочно берите обратный билет из Лондона. Дело в том, что я совершенно не узнал ее тогда...

— Как ее зовут? — перебил Тони.

— Какая разница? Теперь она известна на весь Лондон как «Персона А». Зато мое имя полощут во всех изданиях, — обреченно произнес мистер Олд. — И меня выкинули из профессии.

— Не верю, что за один-единственный поцелуй семилетней давности можно погубить карьеру уважаемого человека!

— Добро пожаловать в двадцать первый век! — горько произнес мистер Олд.

— Вы ее хватили за грудь?

— Нет. Разве что попытался приобнять в лифте...

— И попросили остаться в номере?

— Я не помню.

— А какие были улики в вашем деле?

— Мое собственное извещение об инциденте Партнерского комитета и главы отдела кадров. Если бы я решил проблему частным образом, никто бы ничего не узнал. Но я пошел по установленной в фирме процедуре урегулирования подобных дел, что впоследствии обратили против меня.

— И сколько же вы потеряли на этом скандале?

— Фирма заплатила девице сто сорок тысяч фунтов, не считая моих частных пожертвований... Поцелуйчик вышел золотым!

Энтони Блэкуоттер сочувственно промолчал.

— Хотите знать, в чем двуличие и цинизм нашей системы? — прервал молчание Гарри.

Рыжие брови Блэкуоттера изогнулись, словно знак вопроса.

— Два штрафа еще на сотню тысяч фунтов — сущая ерунда в сравнении с издевательским разъяснением SDT: мол, его решение не означает запрета на дальнейшую профессиональную деятельность. Но кому я теперь нужен? После таких публикаций? Я должен был занять пост руководителя крупнейшего и самого мощного регионального объединения фирмы. А вместо этого... пью пиво с копом.

Блэкуоттер почувствовал азарт. Ему стоит угостить рассказчика следующей порцией пенного эля, чтобы узнать продолжение.

— Вы говорите про ЕМЕА+? Или про FAMI? Что за «Проект Первый»? — Тони разложил перед Олдом бумаги из файла Роулинга. — Посмотрите, пока я закажу нам пива.

— Если можно.

Вернувшись через несколько минут с двумя бокалами, Блэкуоттер застал Олда за внимательным чтением документов.

— Что скажите, Гарри?

— Он таки это сделал! На мне они не остановились и принялись за него.

— Не понял. Поясните, пожалуйста! — насторожился Блэкуоттер.

— Ваш клиент в опасности — вот что я могу сказать однозначно. С остальным нужно разбираться. За неделю я подготовлю вам пояснительную записку по документам, если вы мне их оставите. Но не торопите меня. Нужно время, чтобы понять, как Пол планировал защищаться.

— Защищаться? — удивился Блэкуоттер.

— Видите ли, моя кандидатура всерьез рассматривалась на пост главы объединенных офисов ЕМЕА+, и Пол меня здорово поддерживал. Можно сказать, лоббировал. Мое назначение считалось почти решенным делом. Но тут прилетел бумеранг в виде поцелуя...

— Значит, здесь же, в следующий четверг? — уточнил Тони.

Мистер Олд кивнул и, сунув бумаги в карман плаща, ссутулившись, вышел из бара.

На улице Блэкуоттер остановил кэб. По дороге домой он обдумывал вопросы, которые следовало задать миссис Роулинг завтра вечером. Тони намеревался расспросить Эллис о поведении ее мужа в быту. Кроме того, он обязательно выяснит, не было ли по отношению к Полу каких-либо угроз, на которые недвусмысленно намекал Гарри Олд.

Дороти Уайт не находила себе места. Она подошла к зеркалу в прихожей и придирчиво осмотрела себя. Нервозность и злость, сквозившие в мимике, делали ее лицо еще привлекательнее. Дороти знала, что она красива, и не только по английским стандартам.

Подойдя к окну, она отдернула штору. Вид на Темзу и доки, реконструированные под лофты, не радовал, тем более что на улице началась мелкая морось.

«А ведь семь лет назад я гордилась этой студией и даже любила свое первое гнездышко, — думала девушка. — Понимала ли я до конца реальный смысл и цену той сделки? За что мне заплатили? За что я сегодня вынуждена расплачиваться?»

Дороти обогнула барную стойку, разделявшую комнату и кухню, открыла холодильник и достала бутылку пива. Поискала взглядом «открывашку» и заметила газеты, брошенные на столе.

«А ведь была мне лучшей подругой!»

Она выпила прямо из горлышка и набрала номер на мобильном телефоне.

Уже через час Дороти стояла на площади у Ковент-Гардена, не решаясь зайти внутрь и наблюдая за уличным музыкантом. Небо грозило дождём. Музыкант, худой бородатый парень, достал из баула два зонтика с подставками, один установил над музыкальным центром с динамиком, а другой — над собой, и начал перебирать струны.

— Ну, и долго будем мокнуть? — спросили ее в спину. — Привет, Дороти!

Стейси Крамер нигде не работала, перебиваясь мелкими заказами различных интернет-изданий и продавая газетам типа «Financial Times» скандалы на феминистские или иные модные темы.

— Итак, дорогая, зачем ты меня выдернула из теплой квартиры? Не иначе у тебя есть крутая история. Пойдем, расскажешь.

Они уселись за стол в баре.

— Что новенького в мире глобальных юридических фирм? Кто еще из пухленьких старичков, партнеров-миллионеров, посмел протянуть свои шаловливые треморные ручки к женским прелестям? Чьим денежкам тесно в «Ситибанке» или «HSBC»?

— Брось свои феминистские штучки! — не выдержала Дороти.

— Наивная девочка! Не тебе ли знать, что пришло время дать по заслугам всем этим богатеньким потаскунам! Шлялись бы они по борделям! Так нет, проститутки им не комильфо — видите ли, дорого. Им подавай чистеньких молоденьких юристок, у которых хватит ума не брыкаться и сделать карьеру через постель. Впрочем, некоторые на «отступные» покупают себе квартиры...

— Какая я была дура, что проболталась тогда! Кто дал тебе право публиковать мою историю? Сколько тебе заплатил «The Sun»? — взорвалась Дороти.

— Тише-тише, милая! Хочешь, чтобы все здесь узнали, кто скрывается под ником «Персона А»? Ты только скажи — может, и найдется идиот, который тебе заплатит. Точнее, он уже нашелся. Или тебе мало?

— Ну, ты и... Это была моя тайна, которую ты у меня украла!

— Во-первых, — резко перебила журналистка, — ты мне сама по пьянке рассказала про тот поцелуй в отеле. Во-вторых, оглянись вокруг! Сейчас другое время. Вот эти парни пятнадцать лет назад пристали бы к нам уже на входе, а после первой кружки, не сомневаюсь, облапили бы во всех местах.

— Ты не представляешь, что значит быть «Персоной А»! Да я уже забыла про те приставания. Мы оба были нетрезвы. Скажу откровенно, я была

не против переспать, но не с Олдом, а с другим, кого зашифровали под «Персоной С». Даже не проси назвать его имя. С меня хватит! Теперь я помнела. Ты, именно ты превратила мою жизнь в кошмар! Прикрываешься защитой прав обиженных женщин, а сама делаешь на этом деньги!

— Знаешь, что, Дороти? — сказала Стейси, поднимаясь с места. — Я думала, что ты умная, а ты на самом деле дура. Если подписала соглашение о конфиденциальности, то держала бы язык за зубами. А коли мелешь им, как помелом, в присутствии журналиста, то предъявляй претензии себе. В общем, захочешь рассказать мне про «Персону С», звони. А сейчас иди ты в задницу, подруга!

И она удалилась.

Глава 4. **Идеальное убежище**

Наутро Тони сидел в палисаднике. Он уже подготовил отчет о поездке в клинику «Бальмонт» и вопросы к миссис Роулинг, и теперь с нетерпением ожидал, когда за забором появится шапочка с помпоном. Ему хотелось узнать сплетни о скандале с Гарри Олдом.

Наконец, помпон мелькнул за изгородью.

— Доброе утро, миссис Грейс! — приветствовал Блэкуоттер. — Что же вы мне вчера не рассказали о главном?

— Вы имеете в виду слушания в Дисциплинарном трибунале по делу о сексуальном домогательстве? Так вам уже поздно беспокоиться...

— В каком смысле?

— Адвокаты давно назначены. Вы опоздали, мистер Блэуоттер.

— А если я вам сообщу страшный секрет — что я веду частное расследование в отношении неустановленного лица?

Щелканье секатора прекратилось.

— Эксперт сыска, вы не находите странным обсуждать через забор конфиденциальные обстоятельства следствия?

— Миссис Грейс, да вы сегодня в ударе! Я просто обязан вас угостить. Вы же не откажете холостому отставному полицейскому в небольшой консультации?

Блэкуоттер открыл скрипучую калитку, пропуская миссис Грейс.

— Ну что ж, — миссис Грейс взяла бутылку порто и покрутила ее в руках. — Начинать ухаживать за... безопасной женщиной.

Тони разлил портвейн в рюмки.

— А я, если не возражаете, могу ухаживать за вашими розами. Вы их совсем забросили, — миссис Грейс пригубила вино. — Разве это цветы? В кактусах и то больше жизни.

— Буду вам очень признателен. Так давно разгорелся этот скандал? Я что-то пропустил начало.

— В газетах уже больше месяца. Накал не спадает. Беднягу Олда решили доконать.

— Вы и вправду считаете его беднягой?

— Девушка сама поднялась к нему в номер. Вела себя очень фривольно. Осталась один на один с мужчиной, который в два раза ее старше, и от которого зависела ее карьера! А в итоге не смогла вспомнить или придумать что-то более существенное, чем чмок в шею и вялые объятия пьяного старика, так и не сумевшего к ней пристроиться... Мне кажется, за этим скандалом кроется нечто большее, чем неудавшаяся ночка в отеле.

— Что именно?

— Откуда мне, пенсионерке, знать? Я лишь читаю газеты и смотрю «Би-Би-Си». Кто эта «Персона С», с которой пострадавшая, как она уверяет, прежде пила в общей компании? Кто-то покруче Олда?.. Да вы, наверное, этим и занимаетесь, не так ли?

— Вы не поверите, миссис Грейс, но я, кажется, впервые не понимаю, для чего меня наняли. Мой клиент из той же фирмы попал в психушку, и его жена просит меня выяснить причины.

— Это вы с ним вчера встречались?

— От вас ничего не скроешь! — вздохнул Блэкуоттер и посмотрел на часы...

Он заметил Алана в толпе людей, кормящих уток. Алан увлеченно скармливал птицам булочку от хот-дога.

— Сосиску, конечно, слопал сам, другу ничего не оставил? — пошутил Тони, подойдя.

Алан бросил в воду оставшийся хлеб и обернулся.

— Привет! Как дела у отставного детектива? Наверное, ночи напролет смотришь полицейские сериалы? Вон какие круги под глазами.

— Нет, консультирую «Уорнер Бразерс». Разве ты не заметил золотой «Ролс Ройс»? Это мой.

Прятели не спеша прогуливались по аллее парка.

— Извини, что не принял твое приглашение выпить. Много работы, не хотелось ломать свой график. С тобой, рыжим ирландцем, только свяжись!

Вместо ответа Блэкуоттер сунул Алану выпуск «Файненшл Таймс» с репортажем о заседании трибунала по делу Гарри Олда. Шарп мельком просмотрел статью.

— А-а, понял! Тебя жена наняла, и ты решил отметить успешное окончание расследования?

— Опять мимо! Стареешь. Видимо, мы скоро сядем в пабе и опустим в виски твой последний патрон.

Тони Блэкуоттер вкратце описал свой мандат, полученный от миссис Роулинг, и неудачную командировку в Монтре.

— Постой, — произнес Алан. — Как связаны между собой психушка и секс-скандал? Плевать, что они коллеги! Простое совпадение. Сколько в этих юрфирмах похотливых старичков?

— Согласен. Но как тогда объяснить, что Пол, до того, как свихнуться, собирал... нет, можно утверждать, подбирал определенные материалы? С какой целью? Гарри Олд намекнул, что Роулингу могли грозить последствия секс-скандала.

— Так ты Олда и спроси. Я-то тебе зачем понадобился?

— Гарри Олд уже смотрит файлы Роулинга. Обещал на следующей неделе поделиться своими мыслями. От тебя мне нужна помощь с клинкой «Бальмонт». Могу я тебя попросить проверить по вашим каналам или Интерполу, с кем можно пообщаться в Монтре?

— Как ты себе это представляешь? Нет ни трупа, ни подозреваемого, ни уголовного дела. С чего вдруг МИ-5 будет интересоваться пациентом в швейцарской клинике? Попросишь устроить тебя туда на работу медбратом? Уже поздно: ты успел засветиться перед главным психиатром.

— Ну, хотя бы поговорить с кем-то можно? С другим врачом, медсестрой или местным полицейским, наконец.

— Ну, ты задаешь задачки!.. Хорошо, я подумаю.

— Будем считать, что ты пообещал помочь. Ты ведь не откажешься от своих слов, Алан?

— Ну-ну, не торопись. Поймай сначала треску, а потом будем думать, как из нее сделать фиш-энд-чипс. Кстати, неужели у жены Роулинга нет никаких подозрений, отчего у него возникли проблемы с головой?

— Она ведет себя странно: говорит, что проблема возникла чуть ли не на ровном месте, но при этом нанимает частного детектива, чтобы проверить, как идет лечение. Кстати, лечащий психиатр сказал мне, что за Роулинга платит не фирма и не жена, а некий траст из Гонконга — якобы из-за того, что у страховой компании возникли вопросы по медицинской страховке.

— Или из-за того, что кто-то не захотел, чтобы кто-то задавал слишком много вопросов... А ты не думаешь, что он мог симулировать сумасшествие, чтобы избежать наказания и на время уйти из публичного поля? Швейцарская частная клиника — идеальное убежище! Кстати, почему ты не просишь меня установить личность «Персоны С»?

— Должен же я сам что-то сделать, — ответил Тони.

— Что ж, удачи, старина. А мне пора в офис. Шпионы меня заждались.

Пальцы мягко прошлись по спине, постепенно подбираясь к шее, затем вернулись в начальную точку, чтобы повторить свой путь сначала, от копчика, но жестче. Полу казалось, что руки Си Фанга проникали в самую глубь тканей, массируя их изнутри. По телу шло мягкое расслабляющее тепло. Пол ждал, когда Си Фанг перейдет к своему фирменному массажу головы, во время которого можно будет полностью отключиться. Этот сон он ценил больше, чем обычный ночной, поскольку не боялся сорваться с крыши небоскреба или увидеть, как ломает свои крылья ангел, ударившись о невский лед.

Петропавловский ужас всегда заканчивался мадригалом юноши с лютней: любовный тенор певца вдруг сменялся дурным завыванием, а мальчик ни с того ни с сего начинал срывать струны с инструмента и обматывать их вокруг своей нежной шеи...

Воспоминание о ночных кошмарах было настолько резким и реальным, что Пол непроизвольно мотнул головой, чтобы его сбросить.

Си Фанг потерял подушечки своих пальцев, нажал на точки за ушами и принялся тереть их круговыми движениями, будто сверлом вкручиваясь в живую ткань. Спокойствие и умиротворение вновь вернулись к Полу.

— Так лучше, мистер Роулинг?

— Намного, друг Си. Ты споешь мне?

— Не сейчас. Вот перейду к массажу головы, тогда да. Что бы вы хотели послушать во сне?

— Что-нибудь из неаполитанских песен или из Россини.

— Как изволите. А кантонское оперное пение, вижу, вам не очень нравится, мистер Роулинг?

— Расскажи мне, где ты пел до того, как стал массажистом, — вместо ответа попросил Пол.

— В гонконгской опере Хику. Вы бывали в ней? Нет? Жаль. Вы бы тогда по-другому оценивали мое пение. Мое ампула, правда, бывшее — ху-альянь, то есть воин. Артист в этой роли должен уметь многое: и петь, и быть акробатом и бойцом, и знать китайскую историю, и разбираться в костюмах. Способ извлечения звука в кантонской школе принципиально отличается от привычного европейцу бельканто.

— Как и сам звук! Он очень необычен. Я бы сказал, резок. Но сила его воздействия, действительно, впечатляет.

— На самом деле, это элементарная физика. Что представляет собой наше тело? Это полый сосуд, обтянутый кожей и более чем наполовину заполненный водой. Внутри — сосуды поменьше: желудок, легкие, вены и артерии, а главное, черепная коробка. Все это идеальные места для восприятия звука, который влияет на нас не только приятной мело-

дикой, но и мощью резонанса. Его эффект тем сильнее, чем неожиданнее смена ритма и перепад частоты с высокой на низкую. Именно в этом настоящая драма, а не в итальянской милой меланхолии.

— Пospорил бы с тобой, друг Си, но не могу забыть того беднягу, который умер от инфаркта во время концерта. Разумом я понимаю, что это случайное совпадение, но после твоих слов...

В дверь постучали. В комнату вошла ассистент доктора Мартини. Извинившись, девушка сказала, что в кабинете директора клиники ждет инспектор полиции, который хотел бы побеседовать с участниками самодеятельного концерта. И добавила, что пациенты клиники вправе отказать — это неформальная личная просьба доктора.

В кабинете Андреа Мартини, кроме него самого, находилась его заместитель Сара Дрюммель и неизвестный мужчина в джинсах и свитере. Увидев входящих Пола Роулинга и Си Фанга, мужчина поднялся с места и представился.

— Лейтенант Маттиас Франц из управления уголовного розыска. Я не задержу вас надолго. Результаты вскрытия уже подтвердили первоначальные предположения. Смерть пациента наступила в результате отрыва тромба, который привел к обширному инфаркту. Поэтому наша беседа необходима лишь для того, чтобы завершить опрос лиц, присутствовавших в зале, и закрыть дело.

Лейтенант обратился к китайцу:

— Вы, насколько я понимаю, работник клиники, который пел в тот момент, когда умер пациент?

Си не успел ответить, как вместо него быстро заговорил сам доктор Мартини:

— Инспектор, я должен пояснить, что господин Фанг не является нашим сотрудником. Он сопровождающее мистера Роулинга лицо. Мы разрешаем совместное проживание, если на этом настаивает семья.

— Понятно, — произнес Маттиас Франц. — У вас, доктор, стопроцентное алиби. Шучу-шучу. Значит, вы в тот момент находились на сцене и пели. Что именно?

— Да так, известные итальянские и неаполитанские хиты: «Солнце мое», «Вернись в Сорренто», «Плачь, смейся, паяц», — вспоминал Си. — Что обычно просят.

— Вы заметили в зале ничего необычного? — задал вопрос полицейский.

— Конечно, нет.

— Вообще-то, как мы с коллегой Дрюммель вам уже говорили, — снова вклинился в разговор Андреа, — увлеченность концертом и, в частности, профессиональным исполнением арий господином Фангом не

позволила нам вовремя обратить внимание на пациента, казавшегося спящим. Никто не заметил начала приступа, а он был очень скоротечным.

— Да-да, аутопсия это подтверждает, мистер Мартини, — сказал инспектор. — У вас, господин Фанг, удивительный талант. Поздравляю! Все, с кем я беседовал, говорили об этом. Мне самому даже захотелось послушать. Откуда такое мастерство?

— Когда-то я был солистом кантонской оперы в Гонконге, — спокойно ответил Си.

— Ну, хорошо. А вы, мистер Роулинг, что можете рассказать?

— Н-ничего особенного... — выдохнул Роулинг, пытаясь ухватить за дрожащими в треморе пальцами несуществующие подлокотники.

Он покачнулся на стуле и начал заваливаться на бок. Си Фанг еле успел его поддержать.

— Доктор, у него приступ! — закричал Си.

Все сгрудились вокруг Роулинга. Маттиас Франц, не понимая, что ему делать, заметно растерялся. Он тихо отошел к окну, ожидая, пока пациента приведут в чувство.

Вызванные санитары привезли кресло-каталку и усадили в него Роулинга. Сестра вывезла больного в коридор. Мартини, склонившись над переговорным устройством, давал кому-то инструкции относительно неотложных анализов и процедур.

— ...ЭКГ мозга после кардиограммы сердца. Обязательно позвоните мне по результатам. Мы с доктором Дрюммель спустимся, когда закончим дела здесь.

Лейтенант Франц выразил сожаление и, попрощавшись, тоже направился к выходу.

— Что скажете, Сара? — спросил Андреа, как только за полицейским закрылась дверь.

— Нужно дождаться результатов. Но анамнез не вдохновляет. Ему не становится лучше. Депрессивное состояние имеет тенденцию даже не к консервации, а к дальнейшему развитию. Иногда мне кажется, что не мы управляем процессом...

— Поясните, Сара.

— Связи Роулинга с его прошлым и настоящим настолько сильны, что мы не можем вырвать его из его воспоминаний и изолировать, хотя бы временно, от его окружения. Я говорила о постоянных конференциях с Исполкомом. Нужны ли они ему в данный момент? Сомневаюсь. А этот китаец-массажист! Зачем он тут?

— Послушайте, коллега Дрюммель, — начал Андреа, перейдя на официальный тон, — в ту злополучную субботу я хотел пригласить вас на ужин, но смерть пациента смешала все мои планы.

Сара молчала, ожидая продолжения.

— Если состояние нашего подопечного стабилизируется, могу ли я пригласить вас к себе на ужин домой?

Подобного Сара не ожидала.

— Не подумайте ничего такого, — поспешил развеять ее возможные подозрения Мартини. — Я позвал также своего отца. Мы могли бы втроем обсудить мистера Роулинга и его лечение.

— А-а-а, — иронично протянула женщина. — Коллега согласна, но не позже одиннадцати вечера. Может, проверим, как там наш Пол?

Довольный Андреа поспешил к двери, чтобы галантно пропустить Сару вперед. Идя позади нее, он одним пальцем набивал в телефоне смс-сообщение своему отцу.

Блэкуоттер вышел от миссис Роулинг несколько обескураженным. Она никак не отреагировала на то, что ему не удалось увидеться с ее мужем. И подозрения Тони, из-за чего мог нервничать доктор Мартини, Эллис тоже пропустила мимо ушей. Ее занимало что-то другое, чего детектив не мог понять...

О Гарри Олде миссис Роулинг наотрез отказалась говорить.

Заказав в пабе третью пинту пива, Блэкуоттер разглядел за барной стойкой мужчину, который показался ему знакомым. Тони встал и направился к бару.

— Извините за беспокойство, — обратился он к незнакомцу. — Я видел сегодня вас в саду у миссис Роулинг. Вы подстригали розы.

— Это так, сэр. Я тоже вас заметил. Чем могу быть полезен?

— Ну, хоть одна удача за столько дней! — воскликнул Тони. — Не откажитесь посидеть со мной, и я объясню вам причины моего любопытства и навязчивости.

Мужчина без слов слез со стула и, захватив свою кружку, пошел за Тони.

— Слушаю вас.

— Вы садовник у Роулингов?

— Точно. А вы кто?

— Я... — после некоторой паузы Тони решил не таиться и пойти ва-банк. — Я частный детектив, которого наняла Эллис, чтобы расследовать обстоятельства, связанные с попаданием Пола Роулинга в швейцарскую психушку. Меня зовут Энтони Блэуоттер. Вот моя визитка.

Тони пылливо всматривался в глаза садовника, пытаясь увидеть в них удивление. Какую еще эмоцию должна вызывать у прислуги новость о том, что хозяин сошел с ума? Но старого англичанина, похоже, больше беспокоила кислинка, непонятно откуда взявшаяся в пиве. Он причмокивал, недовольно морщась. Наконец, подал голос:

— Хотите узнать, почему мистер Роулинг сбрендил? Так слушайте. Я сколько раз говорил миссис Эллис, чтобы она повесила решетки на окна.

— Зачем нужны были решетки?

— Я спрашивал миссис Эллис, до каких пор ее мистер Пол будет вылетать из окна, как подбитый летчик из катапульты. Миссис Роулинг отмахивалась, пока ее муж, вылетев в очередной раз, не задавил кота, спавшего в кустах. А у меня ведь и видео того прыжка имеется.

— Тысяча фунтов сразу. Переведу на карту, если сбросишь мне видео! — выпалил Блэкуоттер.

— И бутылка виски с собой!

— Хоть ящик, но не здесь. Разоришь меня. Давай потерпим до супермаркета?

— Тогда — двойной виски здесь и тысяча...

Квакнули сигналы на телефонах, подтверждая сделку. Тони загружал файл, пока садовник опрокидывал очередной шот, лишь мельком взглянув на смс из банка.

В сознании Блэкуоттера вырисовалась следующая картина: Пол Роулинг был выбран на самую высокую должность самой крупной международной юридической фирмы... с окладом более четырех миллионов долларов, за которые... особенно ничего не нужно было делать. Только «торговать лицом». Под эту историю можно набрать долгов. Ведь у него такой дом! Пожалуй, стоит проверить его ипотеку.

— Любой бы сбрендил, если бы замаячила перспектива потери всего, — словно прочитал мысли детектива садовник. — Я бы уж точно. Когда вся Англия ополчилась на тебя, как на Гитлера...

Видео, наконец, загрузилось. Блэкуоттер попросил счет. Всю дорогу, пока они шли в супермаркет, в голове Тони крутился сценарий «английской трагедии». Точнее, ее конец.

Мартини с волнением разливал вино Саре и своему отцу. По сути, это были смотрины. Даже косвенное одобрение Мартини-старшего для младшего значило многое. Для Сары Дрюммель — тоже. В Монтре, да и во всей Швейцарии имя сеньора Казимира Мартини было хорошо известно в среде психиатров.

Сара осматривала библиотеку — именно там Андреа накрыл стол. Полки с золочеными корешками книг уходили под самый потолок.

Казимиро ничуть не смущался присутствием гостя. Напротив, ему льстило, что такая эффектная женщина, к тому же коллега-психиатр, выделяла его сына. Казимиро надеялся, что сын наконец-то обзаведется семьей.

— Мы собрались, чтобы выслушать твое мнение, папа, — начал хозяин дома.

— О бедолаге Роулинге? Ну, ладно, рассказывай, что с вашим английским пациентом.

Андреа описал случай Пола Роулинга.

— Ты, конечно, в Лондон не летал? — уточнил отец.

Андреа переглянулся с Сарой.

— Считаешь, что скандал с Гарри Олдом его не касается? — спросил Мартини-старший. — А зря. Фобия утраты — самая сильная, практически равная страху смерти.

— Утраты чего?

— Не прикидывайся студентом, — ухмыльнулся Казими́ро. — Достичь вершин в профессии и рисковать все потерять? Представь себя на его месте! Ты знаешь его годовой доход? Кстати, кто подсунил вам массажиста?

Сара сидела молча, но чувствовалось, что внутренне она соглашается с Мартини-старшим.

— Ты уверен, что знаешь, чем занимается китаец? — не отставал от сына отец.

— Массирует ему спину раз в день.

— И все? А пение? Я бы на твоём месте посмотрел видеозаписи с камеры. У тебя ведь есть камеры в номерах?

— Синьор Мартини, — произнесла доктор Дрюммель, — вы что-то подозреваете?

— Я всего лишь пытаюсь установить связи пациента с опасным прошлым... и настоящим тоже...

— Папа, может, спустимся на кухню? — спохватился Андреа. — Там мы продолжим дискуссию, пока я буду готовить лингвини¹⁰ с морепродуктами. А ты порежешь салат и овощи.

За ужином Казими́ро делился своими соображениями. Роулинга намеренно изолируют от публики и семьи, но не от дел его фирмы. Члены Исполкома регулярно с ним созваниваются. Подозрительно, что за лечение платит какой-то траст.

— Вы, конечно, читали английские газеты? Слышали про скандал с партнером лондонского офиса «Бейкер и Мак Кинли»? Под раздачу попали еще двое сотрудников. Пол Роулинг тебе об этом рассказывал? Нет? Не пора ли тебе, Андреа, нанять частного детектива, раз твой пациент что-то скрывает?

— Приезжал один из Лондона. Его прислала миссис Роулинг.

— О его визите кто-нибудь знает?

---

¹⁰ Вид итальянской пасты.

— Его видели медсестра на ресепшн и охранник. Я написал письмо управляющему траста с просьбой разрешить посещения, если детектив объявится снова.

— А нельзя ли не извещать Гонконг? Теперь тебе придется наблюдать не только за вашим английским пациентом, но и за тем, что будет происходить вокруг. Его история болезни напоминает детектив, а вы пытаетесь лечить депрессию! А вы не думали, что Пол может симулировать болезнь?

— Он чуть не упал со стула в присутствии инспектора уголовной полиции...

— Как полиция оказалась в клинике?

Сара и Андреа рассказали Казимиру о пациенте, умершем во время концерта.

По мнению Мартини-старшего, Андреа следовало срочно лететь в Лондон для встречи с миссис Роулинг и Блэкуоттером.

— Уверен, детективу есть чем поделиться с тобой, — подвел итог Мартини-старший.

Продолжение следует...